

МОСКОВИЯ

Москва и Россия — это далеко не одно и то же с социологической точки зрения. Их взаимоотношение представляет собою чрезвычайно важный и интересный социальный феномен постсоветского периода русской истории и, пожалуй, современной

социальной эволюции человечества вообще. Я хочу сказать здесь лишь об одном аспекте этого феномена.

Москва и в советский период русской истории занимала особое положение в стране, включая ее социальную организацию. Это явление совсем выпало из поля внимания правителей, идеологов и социологов. Фактически исследовать его научно и публично говорить о нем было запрещено, ибо Москва в этом отношении вела себя совсем не по марксистской теории. В марксизме вообще для такого феномена не было никакого понятия. Но и в постсоветский период положение существенно не изменилось. Когда Критик в отношении современного статуса Москвы употребил выражение «русский Гонконг», никакой реакции на это не последовало.

В советский период в Москве размещались высшая власть страны («Кремль») и все важнейшие учреждения системы власти и управления. А это огромное число людей, занимавших высокое положение в социальной иерархии общества. В Москве сосредоточивались лучшие учреждения культуры, науки, образования. Сюда со всей страны стекалась интеллектуальная и творческая элита. Предприятия наиболее развитой в технологическом отношении индустрии концентрировались в Москве или в регионе Москвы (скажем, в Московии). Жизненный уровень жителей Московии в среднем был выше, чем по стране в целом. Тут было самое интенсивное жилищное строительство, самый высокий уровень обеспеченности детскими садами, школами, медицинскими учреждениями, учреждениями культуры и т. д. В Москве постоянно жило и бывало больше иностранцев, чем в остальной стране. Из выезжавших на Запад советских людей большинство были москвичи. В Москве строгости режима были слабее, чем в других местах. Здесь влияние Запада было самое сильное, сравнительно с остальной страной. Одним словом, Москва была ближе к Западу, была своего рода окном и дверью Советского Союза на Запад. Многие москвичи, особенно из правящей, хозяйственной, идеологической, интеллектуальной, культурной и прочих элит, жили почти как на Западе в смысле культуры, быта, свободы передвижений, свободы мысли и творчества. И при этом они имели гарантированное положение лично для себя и своих детей. Москва образовала своего рода особое элитарное сверхобщество в советском обществе. В него входила и центральная власть, которой подчинялась и локальная власть

Москвы. Москва была столицей всего советского блока и претендовала на роль столицы мирового коммунизма. Именно в этом сверхобществе (в Московии) созрели предпосылки для переворота, который произошел после 1985 года. Он произошел именно в Московии, в которой западный образец казался шагом вперед и абсолютным благом. А из Московии переворот распространился на прочую страну — на общество низшего уровня.

Распространился как пример и как приказ высших властей.

В постсоветский период положение Москвы изменилось. Нет советского блока. Нет Советского Союза. Нет коммунистического социального строя. Москва осталась административной столицей Российской Федерации. В ней размещается высшая общероссийская власть. Но вследствие характера этой власти, ее абсолютного ослабления и ослабления ее роли в социальной организации страны произошла региональная атомизация страны. Регионы приобрели сравнительно большую автономию, стали меньше зависеть от центра и меньше от него иметь, вступили в связи друг с другом и даже с другими странами, минуя центр. Москва стала одним из регионов. Самым мощным во всех отношениях, но все-таки регионом.

В Москве сложилась социально сложная ситуация. Тут размещается общероссийская власть и одновременно сложилась региональная власть, которая фактически в значительной мере не зависит от центральной. В Москве фактически правит не президент, а Лужков. Последний даже формально не подчиняется президенту. Трудно сказать, каково сейчас отношение между экономической мощью Москвы как региона и теми ресурсами, какими распоряжается центральная власть. Думаю, что они вполне сопоставимы как силы различных суверенных государств.

Располагающаяся в Москве центральная власть разделена на президентскую и парламентскую. Хотя вторая является слишком слабой, она все-таки есть часть власти, влияющая на ситуацию в стране. Между этими частями власти отношения конфликтные. И парламент не един. Он отражает общероссийские интересы (центральные) и интересы регионов (сепаратистские), которые не совпадают. В Москве самый сильный частный сектор и самое сильное западное присутствие. Вместе с тем здесь самый сильный и государственный сектор и самые сильные антизападные настроения. Здесь сосредоточены основные силы как оплота существующего режима, так и оппозиции к нему. Сказанное есть

лишь самое грубое описание социально-политической ситуации в Москве.

Изучение московской ситуации дает все основания для того вывода, что предстоит длительная и весьма серьезная борьба Москвы в качестве автономного региона Московии за самостоятельную, независимую от центральной российской власти историческую роль. Думаю, что эта борьба уже началась в глубинах российской жизни. Своеобразие ее состоит в том, что это начало исторического процесса, противоположного процессу собирания Московью Руси в прошлом, т. е. процесса дезинтеграции (атомизации) и «сжатия» Руси. Москве вновь предстоит сыграть историческую роль, но теперь роль концентрации в себе сил и потенции распадающейся постсоветской России.

Хозяин, пожалуй, прав. Всю Россию одновременно и равномерно невозможно вытянуть из пропасти, в которой она оказалась в результате контрреволюции после 1985 года. Это возможно сделать лишь поэтапно и по частям. И обязательным условием для этого в силу объективных социальных законов является образование «точек роста», которые потянут за собой остальные части страны. Такой «точкой роста» уже стала Москва. Она стала образцом и для других возможных «точек роста». Через несколько десятилетий Москва станет одним из крупнейших мировых центров. Но не в качестве национально-русского феномена, а в качестве феномена именно международного. Скорее всего тут будет продолжаться процесс образования наднациональной человеческой общности, начавшийся еще в советские годы, — общности москвичей или москвитян. Но в каком социальном качестве?!